Бондарчук Федор 22.10.94

КОНСЕРВАТИВНЫЙ БОНДАРЧУК-МЛ.

Фото В. КУДРЯВЦЕВА

Отар КУШАНАШВИЛИ

Моск. правда. – 1994. – 22 окт. – с. 3.

БОНДАРЧУКУ-МЛ.

претит новояз эпохи зашибания бабок: определение "новые русские" я советую вам при нем не произносить (если уж появится острая надобность), предварительно тщательно прозондировав почву. Он потешается – причем заразительно – над словом "ньюмейкеры". Приплюсуйте к этим двум те слова-термины, что вошли в ваш лексикон с началом тугих гермесо-менатеповских времен – и получите многоговорящий психологический штрих к портрету Бондарчука. Человека, которого хором и относят к людям формации (причем – лидерам), обозначаемой отринутыми им словечками.

Никакого внешнего напряжения! Его клипы славны тем же. Там тот же летящий, бесшабашный, прозрачный почерк.

Бондарчук – ходячее подтверждение мифа о том, что русский характер уютно себя ощущает, только будучи помещенным в треугольник: Бог – Черт – ...

Простите мне пошлую привычку сразу нагружать впечатления скороспелыми резюме, но мне сдается важным мое представление о нем: изо всей беседы я умозаключил, что Бондарчук консервативен. (Отец тут не при чем). По крайности, он стремится к консервативности в отношении, пардон за заезженное слово, ценностей.

Он лимфатичен и нахрапист, он уважителен и горазд на нигилизм, он любит пижонить и пародировать общественные нравы.

Когда я в офисе "Арт Пикчерз" имел неосторожность сказать, что Федор мне назначил встречу к часу, а было уже три, – в комнате грянул дружный смех. Мне утешающе сказали: "Ну, это же Бондарь!"

ГУРЧЕНКО КАК ПОДАРОК

– Мне поведали трагикомическую историю про то, как ты работал с Людмилой Марковной Гурченко. Не знаю, верно ли я подобрал определение, но съемочный период, по всей видимости, вполне вписывается в хрестоматийное "хоть стой, хоть падай". Дескать, Гурченко приезжала чем свет, Бондарчук появлялся на площадке сильно пополудни; самый процесс был карикатурой на то, каким он должен быть, а группа без зазрения совести использовала каждую возможность для перекура... Если это так хотя бы в трехсотом приближении к истине, тогда я одного не пойму: как этот бедлам вяжется со всеобщим представлением о Гурченко как о безмерно жестком профи, как о весьма и весьма нравном человеке?

– "Трагикомичный" – странное определение именно для этой работы с Гурченко. Не обидное (даром что в нем есть совершенно определенная шпилька в мой адрес как первому человеку на площадке, который и повинен в бедламе, как ты сказал), а необъективное. У меня есть известный счет к себе, вообще к продукту, но он никак не связан с тем, что вместо нормы была "карикатура"... Кто-то мне приписал слово "шок", якобы высказанное мной как оценка работы с Людмилой Марковной. Но "шок" – я этого не говорил. Не шок, а какая-то мощная радость от общения с профессионалом высшей пробы, мощная и светлая. Потому что профессионализм – это забыто. В нашей стране и категории такой нет (или есть, но носителей ее меньше, чем у бедняка грошей). После работы с нашими (не ущемляя их достоинства, не хочу никого обижать) музыкантами, когда долгое время, например, года два их снимаешь, потом тебе везет на встречу с такой глыбой, как Гурченко, то просто понимаешь, даже на уровне ощущений, на уровне самочувствия, что сам меняешься. Полный кайф, потому что все, что она делает, она делает на большой палец.

– А про семь утра как традиционное время ее появления – правда?

– Ну, не семь, конечно. Это миф. Про девять утра – абсолютная правда.

– А про "явления Бондаря народу" в четыре пополудни?

– Кто тебе информацию поставляет? Я опаздывал на съемки часа на два, на три.

– Всего-то? Ну, если на два, на три, она, наверное, ни разу не осерчала: с чего бы?

– Ни одного упрека, представь себе. Она оказалась человеком в высшей степени доброжелательным и великодушным. Она понимала все и говорила: "Ну, вы другие все, из другого теста, поэтому я с вами ругаться не намерена". Но от этого ее благородства (чего я уже давно не встречал) было еще стыднее.

– Вообще сопряжение двух имен ваших: Гурченко и – на поди! – Бондарчук, забубенный молодой клипмейкер, – кажется причудливым. Надеюсь, что ты не ударишься в амбицию. И пояснишь, у кого родился этот проект, чья инициатива была?

– Это была ее идея. Но тут необходимо сделать отступление типа лирического. Для меня это странная ситуация, потому что по большому счету там работала не моя группа, там работала другая студия, то есть все обслуживание этих съемок было другое. Будь моя воля, я снимал бы еще столько же: я сейчас говорю о том, что меня гложет неосуществленность задумки в полной мере. Мой план, по которому я ориентировался, остался в самой узловой его части нереализованным. Но! Люди, совершенно разные, говорят какие-то безумные комплименты, в искренности коих я поначалу, клянусь, нешуточно сомневался. Причем зачастую люди такого калибра, что от них скорее подкола дождешься, нежели похвалы. Поэтому меня вообще ситуация по поводу Гурченко удивляет: у меня там процентов на пятьдесят неосуществленных каких-то вещей. И для меня, строго говоря, это ни в коем разе не победа. Другое дело – человек по имени Гурченко. Это подарок.

– Ответствуй, только летуче, в виде самокритичной формулировки, а то знаю, как ты запоешь, дай тебе волю: она для тебя – подарок, а ты для нее?

– Ее собственное отношение к нашему, так сказать, совместному творчеству меня более всего и удивило. Потому что я полагал робко, что уж она-то останется неудовлетворена... Мне кажется, она в этот раз все-таки не играла в великодушие.

"ОВАЦИЯ" КАК КОМБИНАЦИЯ

– Ну, не прибедняйся! Ты же "осыпанный регалиями художник". Тебя славословят на каждом шагу, Национальную премию вот получил, и все в один голос поют, что не последнюю.

– Ну, во-первых, всяко славословие не есть знак истинного благополучия (получай: ты сам принудил меня изрекать прописные истины). А потом, для меня вообще вся ситуация с "Овацией" непонятна, потому что... За два месяца до этого мне звонили и говорили, что я вроде лидирую... В свое время **Хлебородов** дико на них напрягся после того, как его лучшие ролики прошли незамеченными, а премия была отдана "Бухгалтеру". А после "Бухгалтера" сразу становится ясным все это мероприятие, понимаешь, да?

– Ты мне льстишь, если полагаешь меня столь тонко разбирающимся в шоу-дебрях.

– Хлебородовские ролики на тот момент и "Бухгалтер" – это небо и земля, и речь об элементарном вкусе... Они сами выбрали клип **Пресного**, который был снят в 1992 году, про который, по большому счету, все забыли, потому что "Кто сказал" – проходная, что ли, вещь для самого Володи, по крайности, не хит... Я хочу с твоего позволения воздержаться от оценок и комментариев, поскольку я был в неведении до самого момента оглашения итогов. И поэтому мы с Пресным пошли выпивать коньяк на галерку, наверх, в полной уверенности пребывая, что даже речи быть не может о призе (или как там это называется?). И уже оттуда мы поплелись получать, хотя я хотел отделаться простым "спасибо". Но настояли, и я вышел.

– Вот видишь, какой ты заносчивый: народ решил, что ты лучший, а ты ерепенишься: "но настояли, и я вышел". Барин такой.

– Не заносчивость, но разгильдяйство... А потом, ты же понимаешь, что это за "Овация", которая в 1994 году раздает премии с 92-го по 93-й. Это вообще что-то непостижимое. Хотя, если они говорят, что это народный рейтинг, то кто скажет, что это неприятно?

– Насчет того, что такое "народный рейтинг", споры доходят до драк. Тем более касательно "Овации": полагают, что это блеф большой руки. А ты?

– Между прочим, я очень люблю каверзные вопросы, и по поводу "Овации" я могу быть, как ты того хочешь, более определенным: я думаю, что это была все-таки какая-то комбинация. Непонятная, потому что я не видел этих карточек, я не видел этих компьютерных "пирогов", я ничего о существе не знаю, а как можно опираться на догадки? В лоб обвинить, что произошла нешуточная махинация, – при том, что я удостоился победы? И если ты требуешь от меня ясности кристальной, то учти, что ситуация двойственная, и ответа тут быть не может. Однозначного ответа.

Б.Г. КАК ТРИ БАНКИ

– В последнее время всю вашу "могучую кучку" все чаще склоняют: говорят, что вы вначале были милыми энтузиастами, а теперь просто помешались на деньгах. И пафос из вас прет неостановимо.

– Так можно жить по бесконечности! С такой репутацией миляги. Чтобы все выдыхали: "Вот Федя – душка, хороший, добрый, славный, милый". И если на то пошло, так можно на самом деле – при условии, если ты так уж неодолимо хочешь быть вечно в дураках. И мы могли до конца жизни слыть добрейшими разболтаями, бессребрениками. Но мир меняется, меняется вообще миропорядок, меняется порядок вещей, и ты должен соответствовать. Плохо это или хорошо – мы с тобой в следующий раз разберемся, но это факт, с которым нужно считаться, и ты будешь считаться. От этого не уйти. И у нас возникли проблемы. Потому что все стало жестче. И я как застрельщик встал перед проблемой, точнее, дилемма это называется, кажется: или мне надо было идти в мощные структуры как сугубо режиссеру и работать там волком, который, известно, вековечный одиночка, сидеть там и упиваться реноме повесы милого, который хорош настолько, что может работать и за грош, а то и совсем без оного... Два года назад денег вообще не было, понимаешь? Ну, ноль круглый! И если учесть, что административной работой мы вовсе не занимались, а такая ячейка – это центр и мозг во всякой структуре, мы постоянно катились в "даун" (вниз, в нуль. – **О.К.**). И это были мои проблемы до поры, но никак не тех исполнителей, которые задаром получали готовый продукт и радовались этому. И умилялись мне, нам. Но ведь так вечно продолжаться не могло. Когда прижимают со всех сторон – выхода нет. Когда началась более жесткая политика, а мы взяли молодых режиссеров, штат фирмы вследствие этого разросся – ну куда было без этих реформ, которые, естественно, первым делом коснулись денег? А ты назови мне фирму, про которую бы говорили, что они "не помешаны" на деньгах? Посмотрим, БИЗ – жесткая фирма? Жесткая. И сколько бы по этому поводу ни распинались, у нее нет другого выхода. Или она будет существовать в соответствии с законами структуры, куда сам определился, или его сожрут к чертовой матери! Нет ни одного человека, который бы сказал, что **Лисовский** добр, раскрыт для всех и что он будет работать "в минус" (себе в ущерб. – **О.К.**) только заради живого искусства. Да, бюджеты большие, но это мои бюджеты, и я их поднимаю – из-за того, что хочу нагородить там море всего. Но сейчас я тебе скажу шокирующую вещь, которая идет вразрез со всеобщим представлением: от роликов практически никто не получает гонораров.

– Это... как это? Отчего же все такие, пардон, лощеные? От бешеных бабок на стороне?

– Я дело говорю: не от роликов деньги идут, а от рекламы. А ролики – надо еще так извернуться, чтобы заработать.

– Ну не понимаю я: столько денег вбухивается! Ну поясни мне, темному, каковы же расходы, если даже гонорар не наскрести?

– Я тебя по-иному "просвещу". Как ты думаешь, самый дорогой "Кодак" где во всем мире? Здесь, конечно! Десять банок "Кодака" стоят шесть тысяч долларов. Хотя, конечно, клип можно ухитриться снять за три. Я **Гребенщикова** со **Стингрей** снял за три банки. Но чтобы обладать хоть какой-то свободой действия, нужно иметь хотя бы банок восемь. Итак, что мы имеем? Мы имеем начальную цифру – 10. А последняя цифра – нету ее. Бесконечность. Прогрессия.

– Я читал множество бесед с клипмейкерами и никак не уяснил до настоящего момента: что, дороговизна клипа – это как бы удостоверение мастерства, марки, имени? Сплошь и рядом: "Не верьте им, люди! Самый дорогой ролик сняли мы. Это та-акой масштаб!"

– Ну да, это как бы подтверждение твоей крутости. Но, конечно, смешное подтверждение. Кстати, в насквозь юмористичном интервью с Кеосаянами, о котором мы уже говорили, утверждается, что самая дорогая работа сделана у них. Что ж... Мои поздравления. Что касается нашей студии, то, конечно, это **Линда**.

СЛУЧАЙ КАК СЛУЧАЙ

– А был в твоей практике случай, когда заказчик или клиент даже не скрывали своего разочарования продуктом?

– В музыкальных работах – не было, был один конфуз, если мягко так определить, с рекламным роликом, многого мне стоивший.

– По деньгам не столковались?

– Нет, тут как раз деньги не на первом месте. Такая ситуация возникла, когда человек заведомо придумал свою картинку и уперся в нее, помягче сказать, зациклился на ней. И когда мы свое сделали, он задним числом вспомнил рекламу, когда-то виденную, западного образца. Бюджет которой стоит... ну не знаю, миллионов десять – двенадцать... А он хотел получить этот результат – и все тут, и не желал считаться с данностью. Он хотел видеть огромные биржевые залы с мраморными гигантскими колоннами, которых пока еще нет у нас в Москве. Ему же предоставили то же самое, но в рамках придуманного маленького павильона. А он сказал: "Ну, это что такое? Я не это ожидал увидеть". Ну, милый мой, тогда бы это стоило... даже не знаю, сколько. Правда.

СЕРПЕНТАРИЙ

– Я так предполагаю, что на случай всяких затруднений и у конторы, и у тебя лично есть могущие за тебя постоять молодцы? (Я намеренно не спрашиваю: можешь ли ты самолично себя оборонить, ибо характер разборок в наши собачьи дни таков, что себя более чем недостаточно).

– Ты прав. И люди есть. Разные люди. Не из этого мира. Хорошие ребята, славные, но когда нужно – очень жесткие. В общем, есть они.

– А вот я гадостей на твой счет наслышался вдосталь.

– Самое главное, что в глаза никто не говорит, понимаешь. Вот если бы кто-нибудь в глаза сказал, набрался бы храбрости, был бы критиком строгим с забралом открытым, – я бы его поцеловал! (*На этом месте Бондарчук, улыбаясь, кашляет так, что ясно: "поцеловал" надо закавычить.* – **О.К.**) Например, Пресный одному человеку морду набил за такие дела.

– А ты набьешь, если услышишь, что "возил с дружками партию девочек на дачу и там их...?" Насиловал то есть.

(*Бондарчук долго смотрит в окно, потом расплывается в ужимке, вскидывает руку с "козой": "О, йес!" – писклявым голосом.*)

– Да пусть говорят, но смешно это все.

– Ну, про дым, который без огня, – ты верно, в курсе... Не все же наветы. Вот, например, взахлеб мне поведали, как ты экспериментировал со всяким зельем.

– И ролик был положен "на полку", еще не будучи "запущенным на орбиту"?

– Нет, он прошел один раз, а этот человек на тот момент пребывал в Германии. От оттуда приехал и снял его с эфира.

– Оштрафовал? Деньги отобрал?

– Нет, как раз очень благородно себя вел и с нами поступил: не наехал, а сказал, что просто закончились взаимоотношения.

– При таком раскладе – уж лучше бы наехал.

– Причем этот самый ролик мне-то как режиссеру нравится! Поэтому это даже не сожаление... Ну ты представляешь: тебе в лицо говорят, что это – говно, что-то вроде: "Я-то думал, ты – Бондарчук, я смотрел твои ролики, и я надеялся, а ты чего притащил? Говно какое-то!"

– Единственный такой был полуэксцесс?

– Единственный, годичной давности.

– Долго убивался?

– Отвратительное самочувствие было долго, да.

– А были случаи, когда ты выполнял заказы, скажем так, людей из "особого теста"?

– А поконкретнее?

– Снимал ролики для мафиозных структур?

– Вопрос дилетанта! Снимал – хоть отбавляй. И ты хочешь сказать, может быть, что в этом есть что-то нехорошее? Не смеши.

– Не знаю про "нехорошее", но знаю, что такими вещами люди как-то, по моим наблюдениям, не кичатся.

– Послушай, Отар, ну ты посмотри на нашу страну! Назови мне хоть одно место в нашей стране, которое не мафиозно, не корпоративно и так далее. Я не могу назвать, поэтому давай, помоги мне, скептику по этой части законченному... Если даже детсад взять – как условную модель: я говорю о сознании детском. Сызмала дети в курсе всего... этого.

– Это – да. Эксперименты были такие, что мало не покажется, и мне мало не показалось. Поэтому от этого пришлось отказаться, поскольку я был на грани. Но все это, как ни циничны покажутся мои слова, имело вполне объективную основу. Этот кошмар разразился тогда, когда только начало появляться имя, а стержня еще не было. Иммунитетом, кажется, это называется. Тебе 25, кругом друзья неразлучные, верные до гроба, работы завались, которая в кайф, что в целом создает дурацкую иллюзию того, что блаженное это состояние вечно. И если нет "брони" – все, крыша едет, начинается беспредел. И это все набирает силу, ты ударяешься во все тяжкие, и отрыв идет такой, что иногда просто забываешься. И если тебе везет, ты, когда уже на грани, начинаешь сознавать ужас... Мне меньше всего хотелось бы с трагическим видом философствовать, поэтому...

(*Торжественно и громко кашляет.*)

ТИТОМИР ЕЩЕ ВЗЛЕТИТ

– Сколько у тебя роликов в активе?

– Тридцать. Наверное. Без малого. Или чуть больше.

– Да, ты полностью оправдываешь характеристику на тебя, в которой главные слова – безалаберность и легкомыслие. Сколько клипов снято – ты не ведаешь. Наверно, и кассет дома нет со своими творениями?

– Нет. Да, наверно, по причине природной безалаберности это все. Я клипы свои вообще не просматриваю. Это главный скандал в моей семье: у меня нет ни одной кассеты с собственной работой. Ни одной... Я до сих пор удивляюсь: как умудрился дотащить "Овацию" до дому, не швырнул куда-нибудь подальше? Тяжелая же дьявольски была! О чем говорить, если я даже приз, который завоевал за кордоном, не озаботился получить...

– Это как?

– В Венгрии на одном из конкурсов я взял первую премию за клип с **Челобановым**, а вторую за ролик с финкой **Миса**. Или наоборот? Хоть убей – не помню. И причем никто не знал, что оба ролика снимал один и тот же режиссер из "Совка".

– Во-первых, поясни, что за Миса?

– Был у меня такой странный проект. Продюсер этой финки Мисы – она была продюсером известной группы "Роксет". То есть она продюсировала не все, но много их вещей. Это такая безумная шведка, которая сначала непонятно кто: мужик или женщина. Это был 91-й год. И по чистой случайности в Финляндии показывали "До свидания, мама" с "Моральным кодексом", и опять же случайно мой друг, с которым я вместе учился в институте, он дал мне рекомендацию, сказав: я прекрасно знаю этого русского парня.

– Что же ты не поехал на свой триумф?

– А я даже не был в курсе, где, чего. Я снял по заказу клип – и все. А про победу мне **Алла Борисовна** сказала, они с СВЧ туда ездили.

– Тебе-то самому свою награду подержать в руках не хочется?

– Почему, хочется. Надо хотя бы бумажку взять, что ли, – о том, что я выиграл. А то у меня даже бумаги никакой нет.

– Это плохо, но здорово, что ты за кордоном утер нос кое-кому. Но ведь это хороший повод для патриотического вопроса: есть что-то в настоящем клипмейкерстве, что тебе, твоим коллегам не под силу?

– Ответ будет банальный: деньги – раз и техника – два. Например, никогда бы мы здесь не сделали ни одного ролика **Мадонны**. За некоторым, может быть, исключением. Разве вызвать все оттуда. Или нашему режиссеру поехать туда. И не под силу не по причинам таланта, одаренности (их, вернее, отсутствия): по этой части, по мозгам, грубо говоря, мы не уступим никому.

– Такой самонадеянностью запахло!

– Между тем, я говорю объективно. У нас полно идей, но нет денег и нет техники. Но было бы нечестно еще не указать на главное – музыку. Раньше хоть выбор был, какой-никакой.

– А теперь, стало быть, швах, и кроме Пресняков, и назвать некого?

– Поп-музыки крепкой нет, но почему только Пресняков? Тут все сложнее. Есть незаурядные артисты, но все, как ни банально, упирается в деньги. Например, **Богдан Титомир** не может их найти, от этого и затормозил.

– Боня? Последнее и единственное, что я о нем слышал, – это то, что он развалил свою команду и сам день за днем обращается в развалину.

– Да нет, это бредни! У него огромный потенциал, по потенциалу с ним мало кто может равняться. Он безумно талантлив, этот парень. А эти разговоры – мы уже касались этой темы. Я помню, про Пресного кому не лень говорили: "лебединая песня", "кончился". Особенно когда зиму назад у нас с ним был период, когда наши взяли нас за шкирки – и туда, на воды лечиться. Сильные люди все выдюжат.

– Это ты, наверно, и о себе?

– Это я, в первую голову, о Пресняковe и Титомире.

ПАПИНА КОЛОКОЛЬНЯ

– Часто тебя доводят до белого каления ехидными вопросами про отца, про пресловутую семейственность?

– Ох, часто! Не понимая, что многие из новой поросли знать не знают и знать не хотят про семейственность в моем случае. Они знают (надеюсь) и видят мои работы, по ним и судят обо мне, а **старшего Бондарчука** – ну, откуда им знать? Русское классическое кино они не смотрят, а я – говорю об этом без позы – модный и на слуху. (Что, кстати, плохо в совковой жизни.) Но все равно – все время мусолят эту тему, и теперь я с каждым разом реагирую все спокойнее.

– В 85-м я был еще школяром, но отчетливо помню (почему-то, далекий от этого, примечал это), какой тарарам учинил тогдашний съезд киношников, на котором "прогрессивные гении" выразили твоему отцу человеческое и тем более профессиональное "фи". Детали улетучились, но состояние шока – от улюлюканья – врезалось в память мою.

– Кроме гордости, никаких и тогда, и сейчас основных чувств по отношению к отцу у меня не было. Абсолютная гордость.

– Проблемы "отцов и детей" у вас нет?

– В последнее время у нас просто идиллические отношения. Последнее время я стал чаще пересматривать работы отца и теперь понимаю: он опередил время, потому что его картины, лучшие, они рассчитаны на подготовленного зрителя, потому что многих вещей по части содержания ты не догоняешь в том смысле, что нет элементарно жизненного опыта или нет достаточно образованности. Эту же эволюцию прошел и я. По крайности, теперь я воспринимаю все по-другому. А отношение к отцу не то что изменилось, а стало более глубокое. Он тогда делал все руками – то, что сейчас трудно делать даже при помощи вездесущих компьютеров и всей этой техники. У папы же было рукотворное кино.

– А когда вся эта свистопляска началась, ты тоже учился?

– В 85-м я был в армии и все узнавал из телефонных разговоров и из газет.

– Да-а, можно представить, каково было расположение духа у отца твоего.

– Мой папа – человек очень мудрый. Поэтому ничего катастрофического для него не произошло. Но по большому счету из этой ситуации его выволокла семья. Потом у него к 60 годам уже тогда остались в друзьях самые проверенные. И ничего нового для него в этом лае мосек не было, понимаешь. Я думаю, он не мог не понимать: придет время пигмеев, оно неминуемо, и он был готов. Те люди, которые всегда были с ним, они и остались. Их было немного, но много и не нужно... Но я хочу вернуться к тому образу, который ты употребил: серпентарий. Пусть он кому-то не покажется гиперболой. Это очень точный образ – применительно к нашей среде. С серпентарием этим в творческой среде сталкиваешься постоянно. А уж на уровне папы... И я до сих пор не понимаю, с чего эти люди, которые тщились вытереть ноги об моего отца, вздумали себе, что они вправе судить? Папа, например, тем более я, такую роль на себя не берем. Это грех великий, это Господь должен четко определить, а мы кто?

– И среди клипмейкеров, стало быть, идет великая грызня?

– Конкуренция всегда имела и нормальные моменты, и черные.

– А правда, что ты и Хлебородов...

– О-о! Я знаю, о чем ты спросишь... Нет, наглая ложь. Не враждуем мы. На самом деле он, может быть, единственный, с кем мы дружим очень крепко и вскорости придем к тому, что совместимся в одной фирме. У нас множество совпадений по части взглядов на жизнь, на наше дело.

СВЕТСКИЙ ЛЕВ: "НЕ ХОЧУ!"

– Ты уж прости меня, о ваших с Хлебородовым контрах я узнал из прессы. Из нее же, родимой, узнал и про твои гулянки, и про войну с женой, и про... многое другое, на что я попрошу тебя свет пролить. Но сначала колись: мечтал заделаться штатным персонажем светской хроники?

– В этом принимать участие я зарекся. Как можно об этом мечтать?! Хотя я знаю миллион людей, которые бы даже денег давали на то, чтобы в любой форме, под любым соусом очутиться в светской хронике. При этом наплевать, что о них напишут: могут, что ты был пьянцовски пьян, вел себя, как идиот последний, въехал в столб на скорости триста километров в час, и потом всю ночь проспал на руках у милиционера. Он счастлив будет, уверяю тебя!

– А ты?

– Меня уволь. Но давай по пунктам: чего ты там обо мне начитался, ты делись, а я буду... парировать.

– Ты служил в войсках со знаком спец: отец порадел?

– Если кавалерийские войска – это, так сказать, синекура, тогда – со знаком спец. Но кавалерия изначально числится в армейской среде со знаком спец. Но можно спросить всех людей, кто тогда там служил, и узнать, каково было, как Бондарчук там жизнь прожигал.

– Тут еще один важный показатель есть – географический. Не шибко верится, что ты служил далече от родного порога.

– Ну, нечем тут крыть: я служил под Москвой.

– А кто тебя ограждал от дедовщины? Человек был, поди, приставлен? Или там все были в каком-то смысле бондарчуки?

– С дедовщиной я познакомился по полной программе.

– То есть все эти процедуры...

– Все, все! Более того, я сам принимал в этом колоссально активное участие.

– Занятно, что ты этим еще и бравируешь.

– Нет, я не бравирую, я говорю правду. Печально, что я тебя (вижу!) разочаровываю, но должен тебя, как человек с обостренной честностью, добить: я принимал участие, и оно меня – с моим-то жлобским нравом – грело.

– То есть – разоблачайся до конца! – на новичках ты оттачивал свое боксерское умение?

– Ну как? Я не бил никого, но все эти ритуалы – я прошел их, и я жил по всем этим уже почти легитимным армейским законам, играл по правилам игры этой. По полной программе. Когда моя сегодняшняя жена мне рассказывает про меня тогдашнего (она приезжала ко мне, и это зрелище классное, разумеется, врезалось ей в память до гробовой доски), я понимаю, что я был, конечно, грандиозным типчиком. То есть прежде всего по части облика. Армейская мода мной блюлась неукоснительно, она была святой.

– Слух номер два. Супруга. Бондарчук-младший – сатрап в домашних условиях. Возбранил жене работать (была моделью). Только что не силовыми методами бедную даму принудил сидеть дома с детем.

– Господи, кошмар какой! Вот тебе твоя "светская хроника", блин! Она работала моделью, довольно долгое время работала. Но боев по поводу ее рвения работать, уж поверь мне, не было по прозаической причине: она по натуре своей ленивый человек, поэтому по большому счету если бы она хотела работать, она бы работала. А "вкусной" истории про то, как страп Бондарчук запретил жене выходить из дому, – такой истории подарить я не могу прессе. Потому что ее не было в помине.

– Вы всегда вместе?

– Что значит "всегда вместе"?

– Прошу прощения, на самом деле сформулировал коряво. Я хотел спросить: часто ли, например, вы выходите в свет, ездите за рубеж?

– Я и сам-то последнее время сторонюсь "света", но когда выбираюсь, иногда беру ее с собой. А за границу – нет, не так часто мы ездим вместе.

– Дети?

– Сын.

– Стало быть, так и запишем: никакой правды в слухах об обостренных взаимоотношениях в семье младшего Бондарчука нет, и все на мазн?

– Моя жена – очень мудрый человек, и она во многом мне помогает, поскольку одним из ее сильнейших качеств является потрясающее чутье на людей и вообще ситуацию, и процентов на пятьдесят мое поведение в каких-то определенных ситуациях зависит от ее советов, потому что я человек неумеренно вспыльчивый и своей запальчивостью довожу иногда дело до безумных скандалов. По большому счету, я не понимаю, кому может быть интересна семейная хроника, ведь это банально.

– Видели мы таких кокетов. Ты лучше скажи: вы, правда, до сих пор не расписаны?

– Ну, мы поставили какие-то закорючки из-за того, что нам надо было съезжаться, и без этого нам вся эта операция вряд ли удалась бы. А свадьбы и ничего такого не было, хотя мне... вот когда ты стоишь и она читает тебе эти заветные слова, ну там "ячейка" или Бог его знает, какие еще – в этом все-таки какая-то неправда существует.

...Но моя сегодняшняя философия – уйти вообще от всего этого.

– Не понял: переход довольно резкий – от чего?

– Не знаю, как определить – в том и дело. Чувствую, а как определить словами – не знаю. От всеобщей модности, что ли. То есть – хочу быть. Просто быть. Быть. Но упаси Бог – казаться. Не хочу быть обсуждаемым в Таком свете... Например, та же тема. Сейчас модно кричать, что я, дескать, не расписан, и мы, дескать, исповедуем свободную любовь, без всякой канцелярщины и тэ дэ. Модно попадать в светскую хронику, причем делать это специально, а потом играть в изумление: как, опять про меня? И это модно – попробуй не согласись. У меня сейчас по полной программе идет процесс опрощения, то есть я хочу быть более простым и, как следствие, естествен, более самим, черт подери, собой! Нет, не так. Как объяснить? Я хочу быть более простым, спокойным и консервативным.

– Консервативным?

– В известном смысле. Потому что вся эта светскость – при всем том, что она понятие суть нормальное изначально – превратилась в какую-то чертову свистопляску, и мне не хочется в этом участвовать, не хочется – и вся недолга. Перегнули палку у нас по всем направлениям. Хотя точно знаю, что даже я отстранюсь, писать все равно будут, все равно по тебе пройдутся. Упомянут в таком свете, что мало не покажется. А потом, как и ты, будут кивать на чувство юмора.

– Ты уже перерос, по-моему, консерватора. Это уже называется – ортодокс... Но продолжим. Отдельно от родителей как давно ты живешь?

– С 88-го года.

– И теперь вы съехались, да? Квартира что надо?

– Съехались, да. Хорошая трехкомнатная квартира, мне очень нравится. Дом хороший, сталинский. На Тверской.

– С кем соседишь?

– Понятия не имею. Ну, ты понимаешь, сейчас же в этих домах все скупается, этими... "новыми русскими".

– А во ВГИКе ты оказался по звоночку? Между прочим, вопрос для большинства, и ты не можешь этого не предвидеть – риторический.

– Очень простой ответ: не по звонку. Но! Представь себе: 84-й год, приходит молодой человек в институт, ему говорят: "Вы опоздали на приемные, вы знаете об этом?" – "Да, знаю". – "А как ваша фамилия?" Представляюсь. И его допускают к экзаменам. Повторяю для особо... "одаренных": 84-й год. Я уверен, что не было звонка, но! А с другой стороны, я поступил, отучился и даже теперь с моей фамилией говорить, что обошлось без нее – это, скажут, бред сивой кобылы, кто поверит?

– Родителей часто навещаешь?

– Редко – сравнительно с тем, сколько бы хотел. На самом деле я бы к ним чаще с огромным удовольствием ездил, потому что это общение – живительное, с плюсами без единого минуса. Но когда прижмет, когда невмоготу – сразу к ним. Потому что у них все-таки Замок. Воздушный – так я называю. Волшебный замок.

– Так, у меня вот записано: "ссора с Табаковым" – младшим, разумеется?

– Бред. **Антон Табаков** был нашим директором, был директором всех наших фестивалей. Но сейчас у него море дел. У него ночной клуб "Сохо", который мы переименовали – "Соха". Дискотека. И еще он умудряется играть в театре. К тому же мы породнились. Он крестный отец моего сына. Ну как мы можем с ним ругаться?

P.S. БАЙДА

– Слушай, вот что я хочу спросить (хотел было сделать вид, что мне наплевать, но задело, видишь): правда, что говорят по поводу этого... беспредела? Будто я безбожно колюсь и напиваюсь?

– Говорят, Федя. Увы.

– Ну ладно. Будем считать: ознакомился со срезом общественного мнения... Да, грустно... И еще я тебя попрошу: сделай меня поинтеллигентней.

– Как сделать?

– Поинтеллигентней. Понимаешь, я вообще перестал давать интервью, потому что (несущественные мотивы опускаю) папа в ужасе от того, что я такой косноязычный. От какого-нибудь словечка типа "байда" он долго в себя прийти не может. А я не хочу его огорчать. Сделаешь?

– Но ты вовсе не косноязычный!

– Не утешай! Прошу тебя, сделай меня поинтеллигентней.

Автор выражает признательность продюсеру и бизнесмену Павлу ВАЩЕКИНУ за помощь в организации интервью.